

Пролог

Мужчина с удовольствием окинул взглядом зал. Все было сделано так, как он хотел. Фрески на потолке бережно и мастерски реставрировали, и глаза фавнов и нимф смотрели живо, как и шесть столетий назад. Среди картин семнадцатого и восемнадцатого века одна искусная подделка выглядела совершенно естественно и не выделялась. Длинный стол был с королевской роскошью накрыт на десять персон. Мужчина подошел, попробовал маленький кусочек утки-конфи, затем консоме и остался доволен. Он обернулся к женщине в строгом деловом костюме. Она старалась казаться спокойной, но алые пятна на щеках выдавали волнение.

— Все сделано, как вы пожелали, — голос у нее был ровный и приятный, — мы готовы к приему гостей.

— Я хочу проверить.

Огромный зал освещали только свечи в люстрах и канделябрах, так что высокие потолки терялись во мраке. Нагретый воск источал теплый, сладкий аромат. Мужчина толкнул пальцем свечу в настольном канделябре. Она упала, огонь лизнул ска-

терть, расшитую сложным узором, и начал медленно угасать на фитиле.

— Ни одна из тканей, использованных в интерьере, не горит. А сейчас позвольте кое-что показать.

Женщина взяла один из стульев и с неожиданной силой бросила его прямо в окно. Тяжелый дубовый стул издал страшный грохот, разлетелся вдребезги, но на окне не появилось даже трещинки.

— Но витражи? — мужчина в волнении шагнул к окну. — Они же настоящие! Единственные в Венеции витражи такой красоты и в полной сохранности!

— Верно. Но защищены с обеих сторон специальным стеклом.

— А прохожие? Если кто-то из гостей попытается привлечь внимание или позвать на помощь?

Вместо ответа женщина щелкнула маленьким пультом, и из неприметных отверстий с тихим гулом опустились алые портьеры, соединились с креплениями на подоконниках и натянулись, как струна.

— А если я сделаю так? — он взял с сервировочного столика острый нож и ударил по плотному бархату портьер. Ничего. Даже кончиком проколоть не удалось.

— Мы создали арамидную ткань на основе кевларовых нитей. Кевлар прочнее стали, так что эти шторы нельзя ни разрезать, ни распилить. Теперь прислуга. Желаете проверить?

— Разумеется.

Вдоль стен стояли юноши и девушки в масках комедии Дель Арте. Черные плащи скрывали тела, но он знал — мужчины вооружены длинными венецианскими кинжалами. А женщины... Он жестом подозвал одну из них.

— Подай мне Марго Фромаж.

Она моментально нашла среди великого разнообразия нужный сыр, ловко подала на тарелке с виноградом, грецким орехом и медом. Мужчина одобрительно хмыкнул и уронил содержимое тарелки на пол. Девушка немедленно опустилась на одно колено, быстро и ловко убрала с пола и замерла, ожидая дальнейших указаний. Мужчина провел кончиками пальцев по ее скуле.

— Что ж, посмотрим, насколько ты послушна.

ЧАСТЬ I

Глава 1

— И последняя, Николай Сергеевич. Она вызывает у меня наибольшие сомнения.

Антиквар поставил на стол статуэтку из иерусалимского камня. Доломитовый известняк, из которого возводили храмы и стены вечного города, цветом был схож с человеческой кожей, и фигурка казалась живой. Слово «последняя» оживило Николая больше, чем две чашки крепчайшего кофе, который он только что выпил. Время близилось к полуночи, он устал, впереди дорога домой по стылым, темным переулкам Арбата. Хотелось прямо сейчас очутиться в теплой постели маленькой холостяцкой квартиры, почитать Киньяра, позвонить Алекс. Мысль о ней заставила сердце забиться быстрее. Некстати вспомнилось, как вчера обнимал ее, не дав даже снять шубку, как пахли морозом и духами волосы цвета крыла ворона, как ее губы...

— Камень старый и работа весьма искусная, но вот сюжет!

Скрипучий, резкий голос антиквара избавил Николая от приятных воспоминаний. Вздрогнув,

как лошадь, которую кучер щелкнул вожжами, он взглянул на статуэтку. Крылатая женщина стояла на спинах двух львов, длинные волосы стекали с плеч, точно струи воды. Никакой одежды, лишь ожерелье из капель рубинов, в руках она сжимала змей. Из рубинов же были и ее глаза, лишенные белков. В тусклом свете настольной лампы они полыхнули огнем, когда Николай повернул фигурку. Стройные, изящные ноги оканчивались лапами хищной птицы, и когти впивались в спины львов. Странно контрастировало с этим лицо — нежное, невинное, похожее на лики католических Мадонн.

— Это Лилит, королева ночи, повелительница демонов, первая жена Адама. — Николай небрежно поставил фигурку на стол. Безусловно подделка, не может она быть подлинной. Но отчего он тогда не может отвести глаз от желтоватого камня, так похожего на человеческую кожу?

— Я думал, у Адама первой была Ева?

— Нет. Бог создал Адама и Лилит, но, вероятно, скромный и целомудренный юноша не смог пленить сердце первой женщины, и она обратила свой взгляд на Люцифера.

Брови старика поползли вверх.

— Ее заинтересовал Князь тьмы?

— Ну, тогда он еще был прекрасным, светлейшим ангелом. Увы, любовь оказалась взаимной, и оба были изгнаны из Эдемского сада, а безутешному Адаму Бог, вместо равной, дал женщину, созданную из малой его части.

— Хорошо, что феминистки вас не слышат! — расхохотался антиквар.

— Пожалуй, — улыбнулся Николай. — Увы, изображения Лилит огромная редкость, а уж восемнадцатый век, как нас пытаются уверить... Если бы не это, был бы готов хоть сейчас подписать заключение. И все же она великолепна. Говорят, Лилит мать суккубов, демонов-женщин, способных дарить неземные наслаждения...

Он еще долго мог и хотел говорить. И не потому, что его вдохновило нежное полудетское личико с большими глазами, где под тяжелыми веками полыхали алые огоньки. Редко встречаются понимающие слушатели, которым интересно узнать о произведении искусства много больше, чем может сообщить ленивому пользователю Википедия. А Николай мог поведать многое. Например, что именно благодаря Лилит появилась традиция повязывать младенцам на ручку красную нитку, чтобы защитить их душу от похищения ночью. Она любит этот цвет и не тронет дитя, отмеченное алым. Николай мог бы рассказать, что свои крылья Лилит обрела именно благодаря падению. Какая ирония! Мы так привыкли, что только птицы и святые имеют право на крылья. Но понимание и желание совсем не одно и то же.

Антиквар заерзал своим щедедушным задом на помпезном кресле, тщетно пытавшемся представиться настоящим барокко. Быстро, по-птичьи наклонил голову, покосился на часы и тут же на дверь. В его биографии числились искусствоведческий факультет МГУ, кандидатская по истории искусства Франции, докторская по античной керамике, пост

доцента на кафедре МГПУ. Из всего этого он вынес убеждение: искусство — суета, деньги — вечны.

— Что ж, благодарю вас за консультацию. И все же... Вы ведь не уверены, верно? А получение заключения такого известного специалиста делает гораздо приятнее мои новогодние праздники. И ваши. — Как кот лапой, антиквар мягко подпихнул Николаю заключение. И когда успел состряпать? — Знаете, у меня на нее есть покупатель. Частный. Вашего заключения будет достаточно, и если завтра сделка выгорит, я удвою ваш гонорар.

Никогда Николай не шел на сделку с совестью. Но сейчас он едва ли не впервые не был уверен. В подлинность статуэтки отказывался верить только опыт. И соблазнительно так мелькнула мысль — ведь почти собрал им с Алекс на поездку в Венецию. Что, если этот гонорар поможет осуществить мечту? Стараясь не думать ни о чем, Николай поставил подпись, которой доверяли все музеи страны.

Антиквар подал Николаю пальто, заверив, что деньги переведет уже завтра. Николай поблагодарил кивком, неловко оделся и поспешил покинуть душный салон, полный старинных вещей и чужих воспоминаний.

На улице ледяной ветердохнул в лицо, сухо скрипнул снег под подошвами ботинок. Москва готовилась к Рождеству. Уютно горели окна кофейен и ресторанов, витрины были украшены венками из хвои и остролиста, в воздухе стоял запах горячего шоколада и мандаринов. Все суетились, покупая подарки для близких, по-праздничному блестили

глаза детей. Всюду звучали смех и счастливые голоса... Омерзительное зрелище, если сам не можешь поучаствовать в этом празднике жизни. Как-то Николаю попалась на глаза записка, в которой говорилось, что наибольшее количество самоубийств происходит в новогоднюю и рождественскую ночи. Теперь он знал — почему. Этот праздник подводит черту под тем, чего ты добился. Есть ли у тебя с кем достойно встретить Новый год. Николай думал об этом, входя в темную прихожую своей маленькой, темной квартиры.

Выбор профессии по призванию, как и брак по любви, бывает подобен хмельной вечеринке. Вначале головокружительный восторг и эйфория, потом похмелье и раскаяние. Конечно, приятно жить в мире живописи Веронезе и скульптуры Фальконе, но это также означает необходимость перебиваться случайными заработками вроде сегодняшней оценки антикварного хлама.

Ах, не так он хотел бы встретить Рождество! Алекс достойна роскоши, она и сама — роскошный, незаслуженный подарок судьбы. Увезти бы ее от этого холода, серой и грязной зимы, куда-нибудь в Италию, где небо вечно-синее и ночи пахнут лавром и лимоном. Она и сама это предложила на днях. Спокойно и небрежно обронила, что все расходы возьмет на себя. Не понимая, что для него это никак невозможно. Что тогда он потеряет последние остатки самоуважения и своей «смешной рыцарской гордости». Кажется, так она выразилась.

Николай опустился на колени и разжег камин. Пламя весело заплясало по почерневшим поленьям, бросая огненные блики на стены. Высокий потолок терялся во мраке, корешки книг в дубовых шкафах сделались похожи на стволы деревьев осеннего леса. Отсвет огня коснулся лица девушки на старинном портрете, и его словно исказила судорога. Квартиру эту со всей обстановкой оставил ему отец как подачку, когда понял, что единственный сын не собирается последовать его примеру и стать успешным политиком. Или бизнесменом. Что в России обычно одно и то же. Что ж, если очень хотите разочаровать отца, а к гомосексуализму душа не лежит, станьте человеком искусства.

Николай достал бутылку абсента, поставил фонтан и несколько минут наблюдал, как слезы воды медленно падают в бокал, делая прозрачную жидкость опаловой. Он опустился в кресло у камина, посмотрел в глубокую, светящуюся зелень абсента. Сегодня хотелось забыться. Не думать о пугающих праздниках, о невозможности порадовать любимую женщину, о том, что следующий год будет таким же нищим и полуголодным, как и предыдущие. Часы отбивали ход времени, пламя потрескивало в камине. Абсент обжег горло, прокатился огненной змеей, сначала обжигающей, потом приятной и теплой. И словно краски в полумраке комнаты стали ярче. Ему показалось, что потускневшие золотые виньетки зашевелились на глубокой зелени стен, тени по углам сгустились и придвинулись ближе.

Николай лениво пролистал великолепный альбом по искусству прерафаэлитов. Сегодня не радовали ни рыцари Берн Джонса, заблудившиеся в зарослях шиповника, ни огненноволосые потерянные ангелы Россети. Все то, что волновало душу и пленяло ум, в эту ночь лишь раздражало, как голод. Счастье, как и преступление, нуждается в соучастнике. Нужно с кем-то разделить свой восторг, иначе это бессмысленно, как бессмысленно для хипстера владеть роскошным дворцом и не иметь возможности сделать селфи.

Резкий, настойчивый звонок в дверь. Алекс! Хмель как рукой сняло. Ник бросился в прихожую, распахнул дверь, и она быстрой, уверенной походкой шагнула внутрь, холодной с мороза рукой порывисто обняла. Телефон опустился на подзеркальник, шубка соскользнула с плеча, но Алекс подхватила ее, осторожно — не испортить бы бесценного черного соболя! — повесила на вешалку.

— Что так поздно?

— У меня было совещание.

— А у меня для тебя подарок. Венеция, мы так мечтали с тобой — и вот, она стала возможной...

— Позже, позже.

Теплые губы, нетерпеливые, страстные. Руки умело скользят по его плечам, сжимают, гладят. Расстегивают пуговицы на его рубашке, и та с тихим шорохом скользит вниз. Камин уже разгорелся, но в комнате странно холодно. Словно чье-то ледяное дыхание обдает кожу, но рядом она, Алекс, и взгляд скользит по идеальной загорелой коже,

стройному телу, не знавшему материнства, и оттого незаслуженно юному, желанному. Поцелуи все жарче, все лихорадочнее.

— Алекс...

Сашей, Сашенькой ее назвать нельзя. Так звали ее в детстве. А оно прошло в Бутово, до которого Христос, обходивший землю, видимо, не дошел. Так звала мама, добрая, милая, слабая. Мама, работавшая продавщицей в овощном отделе супермаркета. Это детство и эту маму надо оставить позади, они не украшают резюме блестящей леди, управляющей лучшим в столице фитнес-центром. А «Александра» звучит грубовато, не соответствует западному клише «comfortable» и «friendly».

— Ну же, возьми меня.

И он теряется в теплом тумане, подхватывает на руки это по-девичьи стройное, гибкое тело, несет на свою узкую холостяцкую постель. Расцеловать каждый дюйм, потеряться в этой неге, утонуть... Ее дыхание становится все более учащенным, раскрытые губы жадно ловят воздух. На влажной разгоряченной коже алмазные капли пота. Еще, еще... Почти на пике удовольствия она выгибается, с губ срывается стон.

Любимая, желанная. Эмоции переполняют, захлестывают с головой. Как хочется всю эту нежность передать в каждом поцелуе, каждом прикосновении. Николай больше не может сдерживаться и шепчет, склонившись к побледневшему лицу, к закрытым глазам, отороченным бархатом ресниц.

— Алекс, я люблю...

Резкий, настойчивый звонок смартфона.

— Ник, я должна ответить. Работа.

Да, конечно. Работа. Напряжение спадает. Словно положил поднятую в последнем чемпионском рывке штангу. Разочарование, раздражение, усталость.

Она встает против зимнего окна тонким черным силуэтом. По-рождественски обильный снег сыплет за тусклыми стеклами окон, светит ледяная долька луны. И абрис Алекс с нелепым телефоном: «Да, Иван Петрович», и «Надо, Петр Иванович».

После долгих разговоров она заползла в постель, маленькая, опустошенная. И оба забылись коротким сном под назойливый вой ветра и сиротливый стук снежинок в окно. Николаю снилась Венеция, такая, какой он впервые ее увидел в детстве. Ничего тогда не понял, но ощутил, как она прекрасна. И тогда яд красоты проник в его сердце, он захотел шагнуть в этот волшебный мир, узнать тайны Тициана, прикоснуться к древним камням готических соборов. Стать своим в магическом мире, закрытом и непонятном для большинства. Возможно, повези его тогда отец в Диснейленд, а не в Италию, стал бы нормальным человеком, сделал бы карьеру.

Утро навалилось на грудь многотонной плитой, плеснуло в лицо сыростью и холодом, унесло с собой ночные теплые грезы. Николай успел открыть глаза за несколько секунд до того, как утреннюю тишину нарушила тошнотворно-бодрая мелодия будильника Алекс. Они всегда вставали под ее будильник. А потом она первой шла в душ и пропадала там

на целый час. Совместного завтрака не было. Еще в самом начале их отношений Николай наивно приготавливал ей утром кофе и бутерброды. Алекс даже ничего отвечать не стала, просто посмотрела на него так, словно он предложил ей напиться воды из канавы. Потом объяснила, что зайдет в «Кофеманию», только там делают приличный кофе, и возьмет с собой, у нее нет времени на всякие там завтраки.

— Можно, я тебя поцелую?

— Нет, конечно.

С легким удивлением в голосе, будто он что-то совсем уж странное спросил.

— Ты ведь испортишь мне макияж.

И ускользнула из его объятий гибкой змейкой. Хлопнула входная дверь, и Николай остался один. Вернулся в постель. Попытался восстановить ночной сон, вызвать в памяти каждую его минуту, волнующую и яркую. Но воспоминать счастливые мгновения — все равно, что просматривать фотографии: остается горьковатое послевкусие и недоумение — неужели это было со мной?

Николай только начал проваливаться в сон, тяжелый и беспокойный, как пискнул телефон. Уведомление от банка. Увидев размер перевода, Николай мгновенно проснулся. Значит, их афера удалась. И теперь все возможно, даже Венеция.

Был солнечный полдень. Он стоял на кухне, смотрел, как искрятся бело-синим снегом крыши трехэтажного дома напротив, и слушал бесконечные гудки телефона. Наконец она ответила.

— Ник, я сейчас очень занята...

— Алекс, помнишь, я говорил тебе, как мечтаю увезти тебя в Венецию? Едем, милая. Теперь можно. Остановимся в каком-нибудь старом отельчике недалеко от Сан Марко. Будем слушать бой колоколов, шелест голубиных крыльев, гортанные песни гондольеров. Я куплю тебе накидку из тончайших кружев Бурано, и мы...

— Ник, ты про отпуск? У меня сейчас совещание, я перезвоню, как только освобожусь.

Перезвонила она поздно вечером. Спросила сухим, деловым тоном, когда он планирует поехать. Завтра? Что за фантазии, Ник. У меня встреча со спонсорами, потом надо запустить рекламный проект... Вот через неделю было бы вполне удобно.

Но все проходит. Прошла и неделя, и вот уже они стоят на изрытой вмятинами площади Сан Марко. Храм в лучах восходящего солнца кажется жарко-розовым, предрассветный воздух холоден и свеж. Алекс зябко кутается в свое пальто от Fendy, которое хоть и является образчиком последней моды, совершенно не греет. Их отель за углом, старый особняк со скрипучими лестницами и тем особым, неповторимым запахом старины, который можно ощутить только в каменных замках да картинных галереях. Каждый поворот винтовой лестницы ведет на площадку, где по обе стороны располагались двери. Всего три этажа, всего шесть номеров. Их под самой крышей.

Он хотел ее взять сразу, едва она уронила сумку в прихожей, и та опустилась на пол с глухим стуком. Опрокинуть на постель, а еще лучше прямо